Борисов, В. Л.

Инженерно-историческій очеркъ осады Казани 7060—7061 гг. (1552). Съ 5-ю листами чертежей. Составилъ М. Богдановскій. СПБ. 1898. 64 стр.

Вопросъ о ходѣ осады Казани царемъ Иваномъ Васильевичемъ и о топографическомъ расположеніи города въ этотъ моментъ подвергся еще разъ пересмотру со стороны г. Богдановскаго въ изслѣдованіи, заглавіе котораго выписано выше. Основной выводъ изысканій г. Богдановскаго заключается въ томъ, что, по его мнѣнію, почти все теченіе Булака проходило въ районѣ, защищаемомъ осажденными; другими словами,—что стѣны татарской Казани были расположены въ моментъ осады по *лѣвому* берегу Булака, отдѣленнаго такимъ образомъ отъ русскихъ непріятельскими укрѣпленіями.

Замѣтимъ прежде всего, что указанный итогъ—діаметрально противоположенъ заключенію, данному о. Заринскимъ. авторомъ весьма тщательнаго труда—«Очерки древней Казани, преимущественно XVI вѣка» (К. 1877), считавшагося доселѣ послѣднимъ словомъ въ разсматриваемой области. Казалось бы весьма естественнымъ, что на всякомъ новомъ изслѣдователѣ вопроса, уже обсуждавшагося въ литературѣ, лежитъ обязанность указать предварительно на тѣ соображенія, въ силу которыхъ онъ считаетъ неосновательными мнѣнія своихъ предшественниковъ, и, разрушивъ уже ихъ, создать, затѣмъ, свое собственное; или же—представить такіе доводы справедливости своихъ воззрѣній, при наличности которыхъ каждый легко можетъ убѣдиться въ заблужденіи остальныхъ авторовъ. Къ сожалѣнію, мы не находимъ этого въ разбираемомъ очеркѣ. Г. Богдановскій рѣшилъ «не вдаваться въ разборъ обширной по этому предмету литературы», а прямо принять базисомъ своихъ изслѣдованій одинъ изъ плановъ Казани XVIII столѣтія, подкрѣпивъ свое рѣшеніе немногими ссылками на источники, но, какъ увидимъ ниже, неудачными, такъ какъ онѣ говорятъ скорѣе *противъ*, чѣмъ за взглядъ автора.

Въ доказательство существованія поселенія за Булакомъ, г. Богдановскій, особенно упираетъ на данныя писцовой книги 1566—1568 гг., не оставляющей дѣйствительно, никакихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи. Но онъ совершенно напрасно доказываетъ то, въ чемъ никогда и никто не сомнѣвался. Центръ

тяжести вопроса состоитъ въ томъ, оставили ли татары, при приближеніи русскихъ, это поселеніе въ цѣлости и защищали его, или же, какъ полагалъ о. Заринскій, уничтоживъ его, ограничились обороной только правой стороны Булака. Забулачье существовало, какъ часть города, и до осады 1552 г., и послѣ нея; но было ли то *въ моментъ осады*,—вотъ что нужно доказать, чтобы имѣть право считать мнѣніе о. Заринскаго недѣйствительнымъ, а его планъ «проблематическимъ», какъ то дѣлаетъ г. Богдановскій. Такія попытки есть въ настоящемъ изслѣдованіи, но онѣ малочисленны и неудачны, по нашему мнѣнію. Разсмотримъ ихъ ближе.

Главнымъ источникомъ для труда г. Богдановскаго послужила т. н. Царственная книга, считаемая имъ «какъ бы журналомъ осады Казани», вслѣдствіе чего онъ придаетъ большое, пожалуй, рѣшающее значеніе рисункамъ, которыми, какъ извѣстно, иллюстрировано ея изложеніе. Однако, не говоря уже о томъ, что въ спеціальной литературѣ есть воззрѣн.е, относящее происхожденіе Царственной книги ко второй половинѣ XVII вѣка [1]), и оставляя даже это воззрѣніе, какъ раздѣляемое не всѣми нашими палеографами,—нужно, всетаки, замѣтить, что общій стиль рисунковъ Царственной книги отличается характеромъ, приближающимъ ихъ къ типу иконныхъ изображеній; при этихъ же условіяхъ едва ли возможно настаивать на безусловномъ значеніи рисунковъ Царственной книги, въ смыслѣ передачи ими всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ описываемыя событія [2]).

Отъ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ частностямъ, именно—къ разбору данныхъ, приводимыхъ авторомъ въ доказательство расположенія стѣнъ татарской крѣпости по лѣвому берегу Булака.

«Въ Царственной книгѣ, говоритъ г. Богдановскій, встрѣчается выраженіе: а лѣвой рукѣ и сторожевому полку велѣлъ стати *противъ города за Булакомъ*». Но къ чему относятся слова—«за Булакомъ»? Думаемъ,—безразлично, будемъ ли мы толковать, что царь велѣлъ стать войскамъ за Булакомъ, или,—что «градъ» находился за Булакомъ. Авторъ говоритъ, что соотвѣтственный рисунокъ изображаетъ войска расположенными *непосредственно подъ стѣнами*, а не раздѣленными отъ нихъ рѣчкою; слѣдовательно, больше шансовъ толковать указанное выше мѣсто Царственной книги въ томъ смыслѣ, что часть войска расположилась по *правому* берегу Булака, подъ стѣнами. На эту мысль наводятъ еще слѣдующія мѣста того же источника: «и приговорилъ (царь)..... сторожевому полку (стати)—*на усть Булака*, а лѣвой рукѣ *выше его*»; «на завтріе, въ среду (24 августа), повелѣ государь сторожевому полку....., да лѣвой рукѣ.... туры ставити *по Булаку въ верхъ отъ Казани рѣки;* и пришли воеводы противъ пятницы въ ночи и туры поставили далъ Богъ безъ бою здорово; и стрѣлцы по воеводскому повелѣнію *на другой*

---

[1]) Прѣсняковъ,—Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. СПБ. 1893, стр. 6, 36. (Также въ XXXI томѣ Записокъ истор.-филол. факульт. СПБ. у-та).

[2]) Буслаевъ, Историч. очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПБ. 1861., стр. 308—309; см. также—Заринскій, Очерки древней Казани, стр. 171, примѣч.

сторонѣ Булака къ городу закопалися во рвѣ, и не даде *изъ города* татаромъ вылазити; и баня каменая, Даирова зовома, *подъ городскою стѣною*, и въ банѣ стали казаки воеводскою посылкою»; «и нача подкопъ творити *отъ Булака рѣки....*, промежъ Аталыковыхъ воротъ и Тюменскихъ» [1].—Непонятно было бы, ради чего при изложеніи диспозиціи русскихъ войскъ и при описаніи дальнѣйшихъ ихъ дѣйствій всегда упоминается названіе Булака, разъ онъ заключенъ въ стѣнахъ крѣпости и недоступенъ для русскихъ, за исключеніемъ небольшой части своей, прилегающей къ озеру Кабану. Очевидно, дѣло обстояло по другому—осаждающіе всегда видѣли предъ собою этотъ Булакъ. Тоже самое опредѣленіе мѣстности Булакомъ находимъ при описаніи казанскаго штурма, помѣщенномъ въ Отрывкѣ русской лѣтописи: «и приступити повелѣ; и бѣ много множество людей безчисленно, яко бѣ невмѣстимо кругъ града, и атаманы бяше и стрѣлцы съ пищалми много множество со всѣх странъ, и обступиша градъ великою силою: и съ его страны отъ великія башни противу Арскихъ воротъ, *и отъ Булака, идѣже стояла лѣвая рука и сторожевой полкъ, идѣже нынѣ именуются Сергіевскіе ворота и храмъ стоитъ у воротъ внутри града во имя его;* и тіи приступиша ко граду»; далѣе, путь шествія государя во время штурма въ томъ же Отрывкѣ изображается такъ: «поиде ко граду Казани; *перешедъ Булакъ* и взыде *къ горѣ* и ста полкомъ и повелѣ въ набаты бити.....; и *ставъ противу Арскихъ воротъ, нынѣ же именуются Спасскіе,* идѣже нынѣ стоитъ храмъ Господа Бога нашего Іисуса Христа Нерукотвореннаго образа, и вскорѣ посылаетъ къ туромъ князя Михаила Ивановича Воротынского, да велитъ размыслу нѣмчину подкопъ зажещи въ дву мѣстѣхъ» [2].

Всего же болѣе подтвержденія своего мнѣнія авторъ, какъ кажется, усматриваетъ въ словахъ кн. Курбскаго, замѣтившаго, что «Булакъ рѣчка, зѣло тиновата и непроходима, *подъ самое мѣсто течетъ* и впадаетъ *подъ угольную вежу* въ Казань рѣку».—«Этимъ,—разсуждаетъ онъ,—князь Курбскій указываетъ, что рѣчка Булакъ втекаетъ подъ стѣны посада и выходитъ изъ него подъ угольной башней для впаденія въ р. Казанку. Само собою понятно, что если бы онъ хотѣлъ сказать, что рѣчка Булакъ протекаетъ внѣ городскихъ, или, по его выраженію, *мѣсскихъ* стѣнъ, то выразился бы, что Булакъ течетъ подъ *самымъ мѣстомъ* (а не подъ самое мѣсто) [3].

---

[1]) Царственная книга. СПБ. 1769, стр. 263, 264, 269, 284.

[2]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 310, 312. Сергіевскими наименованы послѣ взятія Тюменскія ворота кремля: «внутри жъ города у Тюменскихъ воротъ, *что нынѣ Сергіевскіе ворота*, церковь Сергія Чудотворца»; см. Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ. К. 1877, стр. 23. По писцовой книгѣ мѣстоположеніе большого подкопа опредѣлено слѣдующимъ образомъ: «внутри жъ города Казани *межъ городовыхъ воротъ Спасскихъ и Сергіевскихъ* подлѣ городовую стѣну, противъ науголные стрѣлни, *гдѣ былъ болшой подкопъ*,—монастырь Спасской»; ibid., стр. 24.

[3]) Стр. 4; курсивъ автора.

Позволяемъ себѣ думать, что авторъ нѣсколько заблуждается, давая подобное толкованіе словамъ князя Курбскаго. Если, слѣдуя его взгляду, выраженіе—«подъ самое мѣсто течетъ»—означаетъ, что р. Булакъ *втекаетъ* подъ стѣны «мѣста« и затѣмъ снова выходитъ изъ-подъ нихъ, то, аналогично съ этимъ, слова—«впадаетъ подъ угольную вежу»—должно понимать въ томъ значеніи, будто эта угольная вежа выстроена была надъ линіей, раздѣляющей воды Казанки отъ водъ Булака, и что эта линія скрывалась такимъ образомъ подъ башней; иначе, какъ утверждаетъ г. Богдановскій, сочинитель «Сказаній» долженъ былъ бы выразиться—«впадаетъ подъ угольной вежей». Однако, такого сооруженія—надъ устьемъ какой либо рѣчки, впадающей въ другую,—вѣроятно, не стали бы строить не только татарскіе мастера, но даже и современные инженеры, въ виду полнѣйшей безполезности подобной работы, хотя, быть можетъ, и возможной въ техническомъ отношеніи. Сверхъ всего, г. Богдановскій, взявшійся исправлять грамматическую сторону «Сказаній» кн. Курбскаго, упустилъ изъ вида одно,—что языкъ Курбскаго отличается присутствіемъ весьма многихъ полонизмовъ, дѣлающихъ его рѣчь не чисто русской, почему совершенно излишне требовать отъ него полнаго соблюденія правильности оборотовъ и формъ русскаго языка. Наконецъ, если бы г. Богдановскій далъ себѣ трудъ прочитать *весь* періодъ, изъ котораго онъ взялъ лишь средину, и вдуматься въ его содержаніе, то впечатлѣніе получилось бы другое, и не потребовалось бы никакихъ толкованій и предположеній, потому что сдѣлалось бы вполнѣ яснымъ, что хочетъ сказать кн. Курбскій: «егдажъ пріидохомъ близу мѣста казанскаго, *еже въ великой крѣпости лежитъ:* съ востоку отъ него идетъ Казань рѣка, а съ западу Булакъ рѣчка, зѣло тиновата и непроходима, подъ самое мѣсто течетъ и впадаетъ подъ угольную вежу въ Казань рѣку;.... а отъ тое рѣки (Булака), около мѣста, ровъ копанъ зѣло глубокій, ажъ до езерка, реченнаго Поганаго, еже лежитъ *подлѣ самую Казань рѣку»* [1]). Представляя себѣ картину, рисуемую кн. Курбскимъ, мы ясно сознаемъ всю выгоду, всю «крѣпость» мѣстоположенія осажденнаго города, защищаемаго съ двухъ сторонъ естественными преградами,—въ видѣ рѣкъ Казанки и Булака, а съ третьей—искусственною,—глубокимъ рвомъ. Эти три преграды служили сторонами треугольника, площадь котораго занимало казанское «мѣсто».

Изложеннымъ исчерпывается все то, что г. Богдановскій счелъ нужнымъ и достаточнымъ привести для подтвержденія факта расположенія татарскихъ укрѣпленій по лѣвому берегу Булака. Какъ видимъ, приведенное имъ доказываетъ какъ разъ другое,—чего авторъ не могъ признать справедливымъ. На этомъ мы считаемъ возможнымъ разстаться съ трудомъ г. Богдановскаго, такъ какъ остальное изложеніе его касается спеціально-инженерныхъ вопросовъ, подлежащихъ сужденію лицъ компетентныхъ. Но, прежде чѣмъ сдѣлать это, скажемъ еще нѣсколько словъ относительно плановъ, которыми снабженъ очеркъ г. Богдановскаго.—Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія два: 1) планъ Казани «съ ситуациею» 1739 года, представляющій точ-

---

[1]) Сказанія кн. Курбскаго. СПБ. 1833. стр. 21.

ную копію съ плана 1730 года, снятаго инженеръ-поручикомъ Артемономъ Сацыперовымъ (черт. I); 2) планъ осады Казани, составленный Ю. фонъ-Каницемъ (черт. IV); онъ изданъ ***въ первый разъ*** въ видѣ точнаго снимка съ подлинника, хранящагося въ Военно-Ученомъ Комитетѣ; къ нему приложено «Краткое изъясненіе» составителя, доселѣ почти совсѣмъ неизвѣстное (см. приложеніе, стр. 59—64).

Благодаря изданію точной копіи плана фонъ-Каница, является возможность сдѣлать нѣкоторыя весьма любопытныя сопоставленія. Дѣло въ томъ, что къ находящемуся въ библіотекѣ СПБ. Духовной Академіи рукописному сочиненію Капитона Милковича—«Исторіографическое описаніе о Казанской губерніи»—приложенъ планъ, весьма близкій къ плану фонъ-Каница, но съ нимъ не тождественный, потому что составленъ въ нѣсколько ***большемъ*** масштабѣ, чѣмъ послѣдній [1]). Замѣчается также кое-какая разница и въ «изъясненіяхъ», помѣщенныхъ авторами на поляхъ самыхъ плановъ, и одно изъ такихъ различій проливаетъ, какъ намъ кажется, достаточно свѣта на вопросъ о происхожденіи плана фонъ-Каница. Именно, послѣдній такъ объясняетъ происхожденіе своей работы: «изъ древнихъ манускриптовъ, преданій и прилежнѣйшихъ изслѣдованій на мѣстахъ еще находимыхъ покрытыхъ (?) остатковъ собрано и при особливомъ краткомъ, но точномъ описаніи всего того, что во время осады и взятія дѣйствительно происходило, на всемъ выдано отъ Ю. фонъ-Каница»; Милковичъ же, давая почти такое-же точно «изъясненіе», за исключеніемъ упоминанія о снабженіи своего плана «особливымъ описаніемъ», прибавляетъ въ концѣ: «сочиненъ въ ***меньшемъ*** видѣ съ плана, ***каковой отыскаться могъ въ Семіозерной пустынѣ по смерти преосвященнѣйшаго митрополита Веніамина***».—Такимъ образомъ, какъ намъ думается, приведенныя слова Милковича несомнѣнно указываютъ на наличность плана, третьяго по счету, послужившаго оригиналомъ, съ котораго были сняты копіи сначала фонъ-Каницемъ въ 1778 году, а потомъ Милковичемъ—въ 1804 году. Самостоятельный же трудъ фонъ-Каница выразился лишь въ составленіи «Краткаго изъясненія» къ снятой имъ копіи.

Наше заключеніе можетъ быть провѣрено еще слѣдующемъ путемъ: въ 1828 году профессоръ казанскаго университета Г. С. Суровцовъ напечаталъ въ военно-литературномъ журналѣ «Славянинъ» статью, подъ заглавіемъ: «Описаніе осады и взятія Казани въ 1552 году, съ краткимъ изъясненіемъ приложеннаго здѣсь плана древняго сего города. 1778.», причемъ планъ, приложенный къ ней, представляетъ сильно уменьшенную копію плана фонъ-Каница [2]); думается, не ошибемся также, если скажемъ, что и самое изложеніе проф. Суровцова есть ни болѣе, ни менѣе, какъ пересказъ «Краткаго изъясненія» фонъ-Каница, на что указываетъ уже одно заглавіе статьи. Слѣдовательно, разсказываемое проф. Суровцовымъ можетъ быть въ достаточной

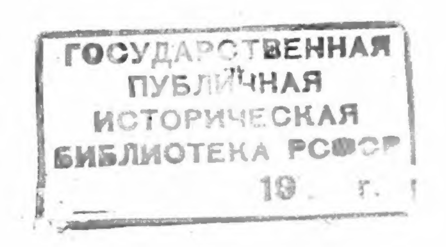
[1]) О сочиненіи К. Милковича см. нашу замѣтку въ Извѣстіяхъ Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XIV, вып. 5, стр. 497—518.

[2]) Славянинъ—журналъ, издаваемый А. Воейковымъ, ч. VII, 1828 г., № XXIX, стр. 73—86.

степени относимо къ фонъ-Каницу; въ частности.—повѣствованіе о «великихъ трудностяхъ въ познаніи древняго расположенія города» [1]). Между прочимъ, въ этомъ повѣствованіи есть такая фраза: «для того стараніе приложено было отыскивать старинные манускрипты; *и получены нѣкоторые изъ библіотеки казанскаго митрополита, изъ окрестъ лежащихъ монастырей и другихъ мѣстъ*»; казанскимъ же митрополитомъ въ то время (1778 г.) былъ тотъ именно Веніаминъ, планомъ котораго, для снятія копіи, пользовался Милковичъ; затѣмъ, и Семіозерная пустынь принадлежитъ къ числу «окрестъ лежащихъ монастырей», откуда, по словамъ фонъ-Каница, переданнымъ проф. Суровцовымъ, были имъ получены «нѣкоторые манускрипты».

Все это убѣждаетъ насъ въ правильности выше сдѣланнаго заключенія о происхожденіи плана фонъ-Каница, какъ копіи съ оригинала, остающагося до сихъ поръ, къ величайшему сожалѣнію, неизвѣстнымъ. Вслѣдствіе этого, дальнѣйшія усилія изслѣдователей должны быть направлены къ отысканію этого оригинала, что,—можно надѣяться,—и увѣнчается успѣхомъ: по крайней мѣрѣ, имена митрополита Веніамина и Семіозерной пустыни могутъ служить при будущихъ поискахъ достаточною путеводною нитью..

В. Борисовъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *Н. Петровскій.*

---

[1]) Фонъ-Каницъ въ своемъ «Краткомъ изъясненіи» также останавливается на этихъ затрудненіяхъ, но относящееся сюда мѣсто выпущено г. Богдановскимъ при изданіи его труда, чѣмъ нарушено существенное правило воспроизведенія памятниковъ; см. стр. 59, прим. 2-е.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1899 года.